

“Мифы которые нам нужны?”

Семинар LT011 - 08.12.2019 г.

<https://youtu.be/-yLzymYXjhg?si=--hBdJanOivWbcCr>

1:35:45

о.Андрея Лоргуса:

[Говорящий 1]

Тогда добрый вечер всем, кто нас слышит и видит. Добрый вечер коллеги, которые присутствуют здесь вместе со мной. Я могу вас представить?

Если сочтете возможно. С удовольствием. Ольга Михайловна, можно картинку?

Или картинка есть? Сейчас добавим картинку Ольге Михайловне. Ручкой помашите аудиторию.

[Говорящий 2]

Помахала.

[Говорящий 1]

И Алексей Гушуев. Здрасте. Человек, из-за которого все ломается.

Это человек, который все это устраивает. Это все главное техническое. И я, священник Андрей Лорбус.

И мы сегодня говорим на тему мифов. И зачем они нам нужны. И что добавляют мифов в нашу жизнь.

И что отнимают. Слово это миф. Оно, конечно, пугает немножко.

Потому что главное, что воспринимается как наука про миф, это что это ложь. Но это, конечно, не ложь. Миф это совершенно другая функция.

Но да, здесь есть главное расхождение с реальностью. И в этом смысле миф это не реальность. Это что-то другое.

Но я хочу подчеркнуть, что миф в том смысле, в каком мы сегодня его рассматриваем, это функциональная структура. Личностная структура, которая помогает нам жить. С которой мы живем.

Так или иначе, с мифами мы живем. Мифы нам нужны. Мы ими пользуемся.

В этом нет ничего преступного, греховного, страшного. Мы только должны понимать четко, каково их место. И дальше какого порога отпускать не стоит.

Свою жизнь, свою душу. Можно еще назвать мифы как мои внутренние легенды. Или это идеи, которыми я живу.

Иногда мы их называем принципы. В психологии есть еще такое понятие, как установки. Но каждый из этих слов немножко про другое.

Например, установки все-таки это некоторые рамочные правила поведения в конкретной ситуации. Установка для того или иного действия. Например, есть установка не говорить правды.

Или установка говорить только простым языком. Или установка всегда искать самого лучшего, самого превосходного. Например, перфекционизм можно назвать установкой.

Идеи. Идеи это такие отвлеченные содержания, которые мы привносим в свою жизнь. И которые задают, определяют многие наши поступки и способы мысли.

Тут более-менее понятно. Отсюда рождается понятие идеологии. Идеология это такая мировоззренческая система, которая определяет наше место в мире, отношение между мной и миром, отношение между нами, друг другом.

И соприкасается с нашими ценностями. Для многих людей идеологии определяют систему ценностей. Для кого-то ценности идеологии вещи разные.

Ну и, наконец, принципы. Это скорее из области нравственности или морали, из области правил и порядка, которые определяют нашу жизнь. Но миф нечто иное.

Миф в том личностном, психологическом смысле слова, в котором я говорю. Миф это некоторое ценностное содержание, оно имеет отношение к ценностям, но он отличается от ценностей. То, что он носит характер либо социально-исторический, либо мой личный, либо семейно-родовой,

это миф, согласно которому построены мои поведенческие выборы, с которыми построены мои поступки.

Мы используем в жизни определенные стратегии. Например, стратегия выживания или стратегия развития. Или, например, стратегия обогащения, стратегия достатка.

Или стратегия бережливости, стратегии экономии. То есть у нас очень много разных стратегий личных. Между стратегиями и реальным нашим поведением есть место функциональное, место для мифов.

Миф выполняет свою работу. Какую же работу? Прежде всего миф – это работа, связующая, как связующее звено между ценностями и целями, которые мы себе ставим.

Мы живем в таком мире, в котором каждая цель в какой-то степени либо соответствует системе ценностей, либо проверяется системой ценностей, либо она запрещается этой системой ценностей, либо она поощряется. Так вот, между ценностями и нашими целями нам нужны мифы. Зачем нужны?

Взрослому человеку, зрелому человеку, у которого уже есть достаточно большой опыт жизни, может быть, достаточно. Он между ценностями и между своими целями выстраивает совершенно разумную, последовательную цепочку рассуждений, основанную на опыте и на знании. Например, для того, чтобы добиться высокого социального статуса, я должен иметь образование.

Моя цель – получить высокий социальный статус. Например, должность, звание, позицию как лидера или позицию уважаемого человека и так далее. Для этого, я считаю, нужно получить образование.

Причем образование не просто какое-то, образование обязательно престижное, вуз, обязательно высшее образование, а может быть, даже еще и ученую степень. Потому что я считаю, что образование и есть основная причина, которая может дать мне и другим людям высокий социальный статус. Вот это и есть миф.

Соответствует ли он реальности? А это здесь неважно. Соответствует ли он моим ценностям?

Да, соответствует. Потому что для меня есть фильтр, который отсеивает цели и способы их престижания несоответствующим моим ценностям.

Например, занять высокий социальный статус благодаря, например, воровству или бандитизму или уголовщине или подкупу я не могу.

Это не для меня. У меня есть ценности. А вот занять высокий социальный статус благодаря образованию, это, так сказать, соответствует моим ценностям, моей вере, моим нравственным правилам.

Другой пример мифа. У меня было счастливое детство. Тут часто люди так говорят.

Да, у меня было счастливое детство. Каким оно было на самом деле, человек, может, и не задумывается. Но ему очень важно, чтобы вот этот миф о счастливом детстве присутствовал не только в его сознании, но и в том, как он рассказывает, как он позиционирует себя с другими людьми, как он вступает в отношения.

Потому что счастливое детство, с его точки зрения, это то, что должно быть у уважающего себя человека или любящего себя человека. Оно поддерживает чувство его достоинства, привязанности к семье, привязанности к родителям, привязанности к традициям семейным. Если бы этого мифа не было, ему потребовалось бы еще какое-то связующее звено с тем, чтобы опираться и держаться за семейную традицию и ее не отпускать.

Например, человек говорит, я мог бы поехать в другой город, мне предлагали. Хорошую работу, очень значимый, престижный, новый статус, должность высокую. Но я не поехал, потому что я решил остаться с мамой.

У нас с мамой особое отношение, потому что я очень к маме привязан, потому что у меня было счастливое детство. Это один из таких вариантов возможных. Тем не менее, человек такой говорит.

И это именно миф не потому, что это ложь, а потому что это не реальная история. Это не то, что человек проверил, описал даже, может рассказать. Он привык так верить.

Мифы, мы в них веруем. Они выполняют такую рабочую вполне себе функцию. Это не предметы веры, это не ценности, которые даны нам или которых мы придерживаемся.

Мифы – это некое связующее звено между, это некая цепь, связующая смыслы. Например, у человека есть цель. Он хочет заработать себе на большую квартиру.

Хочет купить квартиру. И зарабатывать, и стремиться заработать на эту квартиру. Потому что, говорит он себе, если у меня будет квартира, то тогда я смогу вступить в брак, выйти замуж, жениться, тогда у меня будут дети, и тогда у меня будет стабильность, и будет спокойствие, и будет счастье.

Это тоже миф. Потому что, если внимательно разобраться и проработать этот вопрос, окажется, что там вопрос не про стабильность, и не про счастье, и не про семью. Может быть, это про страхи.

А на самом деле квартира не обеспечит мне, человек говорит, счастья, спокойствия и такой стабильности. А может быть, наоборот, только привяжет меня к определенному месту. Я не смогу уехать, я не смогу выбрать для себя другую работу.

Но в этот миф он верит для того, чтобы работать, тяжело работать, много работать, чтобы заработать на квартиру. И пока этот миф человек исповедует, у него есть мотивация. Миф выполняет вот эту связующую роль.

Есть цель, поставил себе цель купить квартиру. И у него есть стремление, стратегия такая утвердиться, получить стабильное социальное положение, стабильное имущественное положение, добиться достатка. А стратегия на самом деле у него может быть совершенно другая.

Стратегия, основанная на выживании, стратегия, основанная на безопасности, потому что больше всего этот человек боится нужды и нищеты. И для него квартира – это некоторый такой зримый образ его благополучия, который избавляет его от нищеты. Человек устал скитаться.

Как рассказывала женщина, я столько сменил на квартиру, что уже я устала перевозить свои вещи. Я хочу наконец стабильного дома, который будет у меня навсегда. В чем здесь мифология?

Мифология заключается в том, что на самом-то деле человек может и не хотеть жить в этой квартире. Может быть, он ее поменяет, уедет, и будет переезжать в другой город, может быть, переедет даже в другую страну, и квартира эта будет только его связывать. Может быть, это вложение капитала, тогда совершенно другой мотив и другая цель.

И тогда вот эта стабильность жизненной ситуации – это действительно миф. Но миф греет, работает и обеспечивает человеку достаточно сильную

мотивацию, чтобы работать долгие годы, зарабатывая себе на эту квартиру. Во всех этих приведенных примерах я пытался показать, что в мифе есть рациональное зерно.

Это прежде всего мотив. Во-вторых, в мифе есть некая связь с ценностями и целями, которые мы себе ставим. И, наконец, у мифа есть всегда привязка к стратегии, которая личностью избрана сознательно, а довольно-таки часто и бессознательно, выбираемая стратегия.

Например, стратегия развития или стратегия выживания, или стратегия отказа. Я сталкивался с таким мифом, что если я, скажем, отступлю от какого-то правила, то я заболею, я буду наказан за то, что я это правило... Если уж я правило это себе избрал, если у меня такой есть принцип, то тогда я буду обязан этого правила придерживаться всегда до конца и никогда от него не отступать.

И мифом здесь служит как раз вот эта вот самая система наказания. Меня накажут, если я отступлю от принципа. В этом мифе может не быть не только ничего рационального, но ничего и мистического нет, потому что человек даже иногда и не может объяснить, а в чем, собственно говоря, заключается, кто накажет и за что, по какой статье, какие здесь есть причины.

Чем миф выгоден человеку? Его не нужно доказывать. Миф не нуждается в рациональном объяснении.

Миф не нуждается в подтверждении. Достаточно просто, что я его себе выбрал, и я в него верю. Это не ценности, это не религиозная вера, это не верование, это не принципы, а это некоторые такие рабочие модели, которые личность использует наряду с такими же инструментами, как цели, как правила, порядки и ценности.

Но эти мифы используются нами на протяжении, может быть, всей жизни. Мы в них веруем. Например, я в юности и в детстве много жил на Севере.

Так вот, один из мифов, который люди там на Севере, в который верили и ради которого жили, работали о том, что когда, наконец, мы заработаем денег и уедем в Север, мы будем жить на юге, мы построим дом, мы будем жить в тепле, у моря и будем счастливы. Из всех известных мне людей никто не жил на юге, никто не жил на море и никто не был счастлив. Но этот миф грел человеческую душу и помогал людям выживать в сложнейших условиях, которые они себе избрали.

Точно так же есть миф людей, которые жили в деревне. Они думали, что, живя в городе, они будут сытыми, счастливыми и обеспеченными. Но приезжая в город, они оказывались еще больше нуждой и зависимости, чем в деревенской жизни.

И таких мифов у нас много. У нас есть миф о том, что обеспеченная, сытая и даже богатая жизнь ждет человека где-нибудь за рубежом, на Западе, в Америке и так далее. Для всех людей, живущих на просторах бывшего Советского Союза, заграница – это вожденный рай.

Ну, может, не для всех, для многих, для очень многих людей. И до сих пор люди мечтают куда-то уехать и для них уехать – это означает жить обеспеченной жизнью, богатой, достаточной и так далее. Это тоже миф.

Есть миф о счастье. Что счастье – это такое состояние, достигнув которого ты навсегда становишься блаженным, счастливым, райским. Мы живем этими мифами, которые берем иногда у своих мам и пап.

Бабушек и дедушек. Например, бабушка укладывает внука спать, гладит его по голове и рассказывает ему сказки, говорит ему, что надо. Ты будешь хорошо читать, будешь много читать книжек, будешь хорошо учиться, будешь умный, станешь богатый, станешь счастливым.

Так возникает миф о том, что образование, ученость приносит человеку счастье. Или наоборот. Бабушка говорит девочке, что вот наша такая женская доля, мы все выходим замуж, мы страдаем от яницы мужа, от тяжелых условий жизни, воду таскать, детей воспитывать.

В общем, несчастье. Так возникает миф о тяжелой женской доле. Для кого-то из девочек он некритично воспринимается, и потом эти женщины живут с этим мифом всю жизнь.

Для кого-то он рассыпается, этот миф уже водородчеством распадается и уходит из жизни навсегда. Может быть, возникают другие мифы. Мифы подростковые, мифы юношеские.

Водородчестве и юности свои мифы. Миф о счастье, миф о любви, миф о дружбе, об успешности и так далее. У каждого мифа есть своя центральная идея.

Структура мифа достаточно стабильна. У каждого есть своя центральная идея. Например, что счастье – это деньги.

Или наоборот, что не деньги – счастье. Это наши присловия поговорки, но они выражают многие человеческие мифы. Или, например, идея о том, что если человек много будет работать, будет работать честно, то он будет жить достаточно.

Или наоборот, что бы ты ни делал, ты все равно будешь бедный, или ты будешь беспомощным. Или что бы ты ни предпринял, все равно тебя отградут, тебя отнимут. То есть мифы есть как позитивные, так и негативные.

У мифа есть всегда история. Чаще всего это история либо софиокультурная, например, в Советском Союзе, в современной России, что настоящая богатая жизнь только может быть и спокойная жизнь, только может быть за рубежом. Или, например, миф про прошлое, что в прошлом веке в Советском Союзе жило счастливо и мороженое было по 20 копеек, или еще что-нибудь, небо голуби-голубей.

Может быть миф семейный, в нашей семье никто счастлив не был. Или в нашей семье все трудились честно, и никто никогда не воровал, и никто никогда не занимался спекуляцией, если речь о бизнесе. Может быть и личный миф.

В детстве, в возрасте, в юности мы тоже себе определенные мифы приобретаем и можем долгое время ими жить. Что в мифе полезно? Миф помогает нам жить, выживать.

Но миф рассыпается очень часто, когда мы сталкиваемся с действительностью, с реальностью, и мы обнаруживаем глубокое чувство разочарования. Я доверил всей душой, что у меня было счастливое детство. Я доверил всей душой, что когда я заработаю много денег, я буду счастлив и спокойным.

Я-то надеялся, что мир-то очень счастливый, мир очень интересный, а на самом деле в мире только злоба и ненависть, и больше ничего. И так далее. И это разочарование лишает нас спокойной жизни, лишает нас надежды, деятельности, лишает нас энергии, лишает доверия миру.

И миф никогда не может быть подтвержден реальностью, потому что он не из реальности взят. Он возник на стыке реальных событий и человеческих объяснений, человеческих интерпретаций. Возникает он иногда совершенно случайно, а иногда задуманно.

Когда мы, например, говорим себе, я буду воспитывать детей так, чтобы они никогда не ошибались. Или там бабушка говорит, главная задача, чтобы мы воспитали свою дочку порядочной, честной женщиной. Ну и так далее.

То есть они возникают как императивы некоторые. Мы хотим детям внушить некоторые истины. И можем сочинить такой миф.

Но когда мы вырастаем, мифы рассыпаются. И что же на месте мифов? Оказывается, что на месте мифов могут вырастить новые, если нам так угодно.

Но если мы хотим жить ближе к реальности, на место мифа приходит опыт. А в нашем опыте приходят реальные оценки, трезвость, приходит знание, приходит понимание и, может быть, даже целостная картина мира или хотя бы целостная картина себя в мире, бытия в мире здесь и сейчас. Мы не можем обо всем мире сказать и держать в своей голове весь мир.

Мы живем здесь и сейчас. Наше пространство может быть ограничена. И для него нам нужны определенные условия, в которых мы живем.

Мы должны этот мир понимать. Мы должны понимать свое место знать. И для этого нам нужны представления, нам нужны знания, нам нужен опыт.

Мы должны этот мир пощупать, пальцем потрогать и сказать, да, вот здесь вот так устроено, вот здесь вот так. То есть если я перееду за МКАД, там начнется дорога на Тверь, а дальше будет Тверская область. Или если я не заплачу вовремя за квартиру, то у меня будут сложности, скажем, с коммунальными слухами.

То есть в этом мире мне нужны рациональные, опытные и реальные ориентиры, а не мифы. Чем больше мифов в моей жизни, да, тем, может быть, легче мне жить. Человеку с мифами легче жить.

И отказываться от них – это значит погружаться в сложную реальность, которая может оказаться сложнее, чем я бы хотел. Поэтому расставаться с мифами очень не хочется. А на место мифов приходит реальное знание, опыт, понимание, может быть, даже научное сознание, если хотите, но это тоже часть реальности.

И в ней уже нет такой эмоциональной симпатии. Реальность, может быть, некрасивая. Реальность, может быть, даже холодной, колючей, неэмпатичной такой для меня.

Но зато она для меня ценная, и она для меня достоверная, и с реальностью я могу что-то делать. Я могу построить свою жизнедеятельность на реальных знаниях, на опыте своём. А на мифе я ничего не могу построить.

Миф – это красивая такая вещь, приятная для сердца, но бесполезная для тела. Поэтому дороже мне от мифа отказаться и на место мифа оставить опыт. Сын ошибок трое.

Опыт дорогой. Недаром русская пословица говорит о том, что за одного битого двух небитых дают. Опытный человек, живущий не мифами, а живущий опытом и реальными знаниями, умениями и навыками, дороже и себе самому, и своим близким, и той команде, к которой он входит, и с которой вместе он преображает этот мир.

Ну вот, коллеги, я как бы так изложил некоторую картинку. Прошу вашу работу, ваши вопросы. Вот мне хотелось бы уточнить такой момент.

Есть опыт, есть миф. Можно ли как-то очень четко и конкретно определить разницу между опытом и мифом? Да, конечно.

Это прежде всего реальность. Для взрослого человека опыт – это то, что человек знает о мире, знает о себе на основе своих событий, своих поступков и обратной реакцией на это. Но очень важно заметить, что у опыта есть одна важная характеристика, которая делает его опытом.

Этот опыт должен быть принятым. То есть он не просто случившееся со мной, а событие, которое я отрефлектировал, обработал, оценил и применяю, и взял его. То есть опытом становятся события, с которыми я поработаю.

Иначе он опытом не станет. То есть в результате опыта может родиться еще свой мифов на этот опыт? Если я склонен мифологизировать свой опыт, да, конечно, я могу пойти по пути мифологизации, потому что мне так нравится.

Я могу сказать, нет, ребята, там вот люди не с лисими головами живут, а с лисими, но тогда легко будет относиться к ним как к лисам, как к хитрецам, и тогда не надо будет их уважать. Если мне хочется жить в области мифов, то я тогда придумаю что-нибудь еще. Человек гораздо.

Но и в этом смысле вся культура нас подталкивает, чтобы мы мифы сочиняли. Потому что мы много читали, много смотрели. У нас есть куча всяких идей из этих книжек.

Например, читали с Гумилёва о, будем говорить, вот это пассионарии. Неважно, что стоит за этим термином, но красиво звучит. Или, например, мы будем говорить, да они же все там лжецы.

Не хочется сейчас национальных всяких вопросов касаться, но сколько у нас мифов, связанных с национальностями, с разными. Нельзя их только в эфире произнести. В связи с этим встает вопрос, где рациональное, где нерациональное применение мифа.

Ну, не знаю, целесообразное, эффективное. Применение мифа – это всегда субъективная вещь. Миф мне помогал найти мотивацию для того, чтобы выполнять длительную, долгосрочную деятельность по достижению цели, которую я себе поставил.

Например, заработать. Мне для того, чтобы заработать, нужен был миф. Допустим, зарабатывая много, тяжело работая ночами, или я работал на двух работах для того, чтобы дать детям все самое лучшее.

Это миф. Потому что что такое лучшее и что дать детям, это очень вопрос растяжимый. И нужен ли я был детям со своими деньгами, или я нужен был с ними не очень уставший, чтобы поиграть, позаниматься, погулять и вообще просто побыть вместе рядом.

Что было ценнее, что было важнее. Но у меня был миф, что я должен зарабатывать во что бы то ни стало. Чуть-чуть к терминам, если вернуться.

Земля плоская, это миф? Это миф не личностный миф, о котором мы сегодня говорим. Это миф уже такой культурный.

Культурных мифов много. Мы тоже ими живем, но они выполняют совершенно другую роль. Они связующие звенья в нашей мировоззрительной картинке.

Мировоззрительная картинка лично в моей жизни может никак не применять, не использована быть. Например, я посещал одного больного, и мы с ним заговорили про какие-то последние новости, а он говорит, а для меня это вообще перестало существовать. Для меня сейчас мир мой, моя жена, дом, моя болезнь, больные, мои врачи.

А что происходит там вообще, мне все равно. То есть он мировоззрительной картинке не нуждается. Но ему нужны мифы свои.

Ему нужен миф о том, что он заработал семье, жене, на квартиру. То есть он принес пользу. Миф о пользе.

Это очень сильный миф, который многие люди просто исповедуют. О том, что я должен приносить пользу. Или я должен помогать другим.

[Говорящий 2]

А вообще может ли быть человек без мифов? Это не будет ли циник? Такой, который просто в реальности...

[Говорящий 1]

Да, конечно. Конечно, я согласен, что без мифа человек выглядит как машина, как циник, как холодный. Да на самом деле таких и нет.

Мы все время чего-то себе такое придумываем, и это нам помогает достигать цели. Но ведь кроме мифа у нас есть цели. Цели могут быть поставлены верными.

Допустим, я должен достроить наконец свой дом. Цель вполне такая определенная. И я должен это сделать, потому что деньги вложены, потому что там крыша течет.

Для семьи. Для семьи я должен это сделать. Все.

Вопрос как бы снимает. Но я для себя... Ну как тебя мотивировать?

Но мне хочется, вот я дострою дом, вот я там вот заживу барина, и будет у меня там и варенье, и будет там у меня смородина, и будет у меня там банька, и я буду счастливый принимать там гостей. Хотя, может быть, никто никогда ко мне не приедет. Слишком далеко.

Но миф этот меня греет.

[Говорящий 2]

Получается, вот эта внутренняя мотивация, про которую мы говорили до этого, это о мифе?

[Говорящий 1]

Миф помогает мотивации. Миф там где не хватает мотива, миф помогает эту мотивацию получить. То есть миф как раз и вырабатывает, и ищется нами.

Мы его захватываем, чтобы получить дополнительную мотивацию, чтобы справиться с задачей.

[Говорящий 2]

А если я для того, чтобы замотивироваться, например, на свой проект, придумываю себе миф, что должна быть полезна людям, не получится ли, что потом я испытаю огромное разочарование? Хоть вроде и полезно было, но когда мифы разрушаются, человек разочаровывается.

[Говорящий 1]

Да. Я об этом уже сказал, что разрушение мифа приносит такую волю разочаровать. Да, потому что это нереальность.

Миф же это нереальность, это вещь, которая получена путем пожелания. Волшебная палочка. Я прочитал сказку.

Красивая сказка. Давай-ка я из нее сделаю себе представление. Допустим, миф, что если переехать с севера на юг, то там будет счастливый жить, а там болеть перестану.

Хороший, красивый миф. К реальности он может не иметь такого прямого отношения. Просто так приятно считать, так приятно думать.

У нас есть вопросы от участников. Давайте попробуем вывести эфир одного участника. Да.

Целим интерактив. Да.

[Говорящий 2]

Пока настраиваем, может, я зачитаю вопрос, а вы ответите? От Анны Скляренко. Правильно.

Как можно выявить свои мифы? Что будет критерием того, что то или иное мое убеждение является мифом?

[Говорящий 1]

Тут все очень просто. Проверка реальностью. Проверка реальностью, если достаточно у вас сил, чтобы эту проверку провести, то есть некоторую рефлексия.

Во что я верю, чего я ожидаю, и какова реальность вокруг меня. Это правда, во что я верю, это правда то, что я думаю. Или это только лишь моя интерпретация.

Очень часто, Анна, ситуация ставит нас в условие, когда эта проверка как бы самопросится. То есть просто надо открыть глаза, посмотреть, что происходит вокруг меня, и сказать, да, миф мой рассыпался. Реальность не такова.

[Говорящий 2]

Могу ли привести здесь пример из бизнеса?

[Говорящий 1]

Конечно.

[Говорящий 2]

Есть очень хорошая техника в бизнесе у Эрика Риса. Она называется проверка гипотезы ценности и проверка гипотезы роста. То есть когда предприниматель предполагает, что его продукт на самом деле ценен, и когда предприниматель предполагает, что он будет продаваться вот по таким-то каналам и расти вот в такие казы, и начинает проверять, просто опрашивая пока своих потенциальных покупателей, еще не издавая продукт.

Получается, что если я хочу поехать на юг с севера, считая, что у меня там будет лучше здоровье, я просто сажусь и начинаю анализировать, что для моего здоровья лучше, и имеется ли это на юге, чтобы я была уверена в том, что мое здоровье лучше. То есть это говорится о проверке мифа.

[Говорящий 1]

Проверка может быть и разной. Может быть человек поедет, поживет и проверит. Например, вот такой проверкой очень часто приходится мне пользоваться как священником, когда люди обращаются и говорят, что хочу уйти в монастырь.

Очень хорошо, поезжайте сначала на три дня, потом поезжайте на неделю, потом на месяц и проверьте себя в условиях жизни монастыря. Попробуйте, каково это. И очень часто эти мифы рассыпаются.

То есть ведь у человека миф такой романтический, монастырь, это красиво, плодочки, апостольники, подрезник, все замечательно, любовь сестер, в храм строят, все поют, все так здорово, просто красота. Но

реальность действительно такова. И вот разрушение этого мифа происходит путем опыта.

[Говорящий 2]

Хорошо, а когда миф более сложный, что я что-то делаю для того, чтобы принести пользу людям. Как проверить этот миф?

[Говорящий 1]

Да, здесь сложнее, потому что реальная польза другому человеку может быть определена только с его помощью, этого другого человека.

Во-первых, просил ли он этой помощи? Во-вторых, как он ее оценивает?

Нельзя говорить о пользе человека с моей позиции. Если это польза другому человеку, этот человек мне должен дать обратную связь, он мне должен подтвердить, действительно ли он получил от меня полезное.

[Говорящий 2]

А если это для детей, и они не сразу смогут дать связь?

[Говорящий 1]

Если речь идет о детско-родительских отношениях, то здесь вообще все по-другому совершенно. Потому что родители всегда детям дают, и почти все, что мы даем детям, может быть ребенку полезным. Почти все, за исключением самых страшных вещей.

Но что дети возьмут из этого, мы заранее не знаем. Полезно-то полезно, а дети этому нельзя. Почему другой разговор?

Про детей другое. А вот на уровне партнерских отношений полезность определяется обратной связью. Или, если это уже давно прошедшее время, то тогда уже истории, тогда уже прошлое, и то требуют какие-то независимые оценки.

Было ли полезно то, что я делал? А может быть, это принесло людям несчастье? Не всегда это можно определить.

Когда речь идет о простых вещах, например, кормить хлебом, или свечи, пирожки, и люди их едят, то, конечно, польза. Если хорошо был истреблен пирожок, никого не отравил, то, слава богу, значит, польза. Вот с продуктами, оно понятно.

[Говорящий 4]

Тут все просто.

[Говорящий 1]

И вообще, со сложными продуктами, как, например, IT-технологии или телефоны, для чего они служат? То ли говорить с мамой, то ли играть в игры. Понимаете, да?

Николай готов задать вопрос.

[Говорящий 4]

Ура!

[Говорящий 1]

Николай, слушайте его. А, мы не будем слушать? Алло.

Можно будет слушать. Сейчас, секунду. Николай, мы ждем связи с вами с большой радостью.

Сейчас.

[Говорящий 4]

Все, Николай, говорите.

[Говорящий 3]

Алло, здравствуйте, меня слышно?

[Говорящий 1]

Не слышно.

[Говорящий 3]

Алло, алло.

[Говорящий 1]

Накладывается два звука об разном времени. Кто-нибудь должен помолчать. Да, сейчас.

Алексей, я не услышу Николая, если вы будете говорить.

[Говорящий 3]

Это как рация работает. То есть нужно одному отключаться, а второму говорить, да?

[Говорящий 4]

Алло.

[Говорящий 3]

Алло. Алло, алло.

[Говорящий 4]

Слышу.

[Говорящий 3]

Ура.

[Говорящий 4]

Ура.

[Говорящий 3]

Здравствуйте, спасибо. Очень интересная тема. Отдельное спасибо тому, кто делал картинку, потому что именно она меня в Фейсбуке привлекла внимание.

Там были написаны правильные фразы. Ну так, замечание такое, что, мне кажется, я... Слышно, нет?

[Говорящий 4]

Да, да, да.

[Говорящий 3]

Мне кажется, что я ловил связь между целью и нифом в таком виде. Видимо, между ними стоит слово «потому что» или «поэтому». То есть мне нужно достичь моей цели, «поэтому» или «такова», «потому что».

Но это так, ладно. А вот знаете, в чем дело? Правильно задала однослушница вопрос по поводу такого, как отличить.

Спасибо, я уже не буду его задавать тогда. Но вот еще такой момент. Ваша коллега спрашивала по поводу прагматического использования мифа.

И у вас несколько раз прозвучало, что вообще говоря, мифы скорее опасны и способны принести вред. Согласен, мне бы тоже хотелось, как и слушателям, быстро отличать и избавляться от них. И поэтому мне вот эта амбивалентность видится несколько тревожащей, вызывает на тревогу, что вроде бы мифы, они могут мешать жить, они могут нам дорого стоить, а с другой стороны их можно использовать.

Вот я не очень понимаю, зачем нам стремиться использовать их прагматически и используя. Видите ли, в чем дело? Я бы предложил посмотреть на цель.

Ведь миф — это как некая ложная установка, хорошо. А вы понимаете, если нам нужно достигать цели с помощью ложной установки, если нам нужно мотивировать себя к достижению цели с помощью ложной установки, может быть, это и цель, или ценность, на самом деле ложная или отчасти ложная. Может быть, это не наша ценность, может быть, это призрачная цель.

Этот дом, который я строю, поддерживаю себя мифом, что я смогу принимать гостей, может быть, чтобы удовлетворить свою потребность в общении, мне лучше дом продать, вырученные деньги использовать для достижения своей реальной цели, вот этого потребности в общении, потребности в достижительности каким-то другим способом, чтобы потом просто не разочароваться. Итак, суть моей реплики в том, что мне кажется, что мифы по-настоящему опасны, и пытаться использовать их прагматически — это обманывать себя, потому что та цель, та ценность, которая требует для себя ложной установки, которая поддерживается ложной установкой, она сама по сути опасна, мы можем зря потратить время. Что вы об этом думаете?

Спасибо.

[Говорящий 1]

Можно сделать, чтобы всем было слышно? Все слышали. Вы слышали?

[Говорящий 4]

Я слышал.

[Говорящий 1]

Кроме Ольги, все слышали. Вот, тонкая беда. Мне кажется, как раз это было полезно услышать.

Николай, я с вами согласен, действительно миф опасен, и он опасен тем, что он может вести человека к ложной дороге. Совершенно верно. И к расчарованию приводить, и может совершенно создавать ложные усилия и затраты огромные.

Но вы исходите из некоторого вот такого ценностного убеждения, что надо от всего ложного избавиться, что лучше жить лучше, что лучше жить честнее и лучше быть совершенным. Да, совершенный человек в мифах не

нуждается, я согласен. Но ведь, понимаете, мне как психотерапевт приходится иметь дело с тем, что у людей есть.

И очень часто человек приходит с огромным набором мифов, и он ими живет. У меня нет права эти мифы все прямо вот сразу венчиком, так сказать, очищать и оставить человека глышом. Готов ли человек еще жить без своей внутренней мифологии?

Может быть, и вот это моя стратегия заключается в том, что мы работаем с одним каким-то мифом, переходим, может быть, на другую ступеньку, а потом у человека приобретается настоящая возможность избавляться от своих мифов. И я верю, что рано или поздно он это приобретает. И я доверяю человеку, что рано или поздно он от своих мифов откажется.

Но у меня нет такого права, вот братья хирургические говорят, да это ложь, да это глупость, да брось, да вообще, говорят, это вообще дурак. Нет, так я не могу. Почему человек сам сохраняет свою мифологию?

Ну, потому что она дорого стоит. Ведь она связывает человека с его традицией. Традиции семейные, традиции социокультурные, иногда даже религиозные.

У нас в нашей религиозности много личной мифологии. Мы сами ее для себя составляем. Может быть, она общая для какой-то группы лиц, мифология.

Может быть, она передается по наследству. Может быть, это часть нашей традиции по поводу мифологии. Но мифология помогает нам выжить.

С другой стороны, да, если мы ставим серьезные нравственные цели и серьезные цели, так сказать, в каком-то деле, в деятельности, то мифы нам будут крайне мешать. Это правда. Если мы говорим о каких-то серьезных, о миссии, о служении, о профессии, о бизнесе, то лучше всего здесь от мифов отказаться.

Если это наука, здесь тоже лучше всякую мифологию отказаться сразу. Собственно говоря, научное мышление, воспитание научного мышления заключается в том, чтобы постепенно с помощью определенных мыслительных процедур постепенно отказываться от любых мифологических построений. Но вы сами знаете, Николай, как много у наших ученых по всему миру мифологического сознания, и никто от этого отказываться не желает.

Вредит это науке? Конечно, вредит. Но что делать?

Люди пока живут мифологией. Многие живут ею, и взрослые, и дети, и политики, и бизнесмены живут мифологией. Так точно.

Что я могу сделать? То, что это вредит реальности, да, вредит, но это правда, это часть реальности. Если говорить о совершенстве человечества, я с вами согласен полностью.

Можно продолжать? Я слышал вопрос.

[Говорящий 2]

Я просто спрошу, а вы вообще свой опыт, свою практику, вот встречали человека, который начисто очищен от мифов.

[Говорящий 1]

Они вообще существуют? Да, конечно. Конечно.

Люди, которые в большей степени доверяют своему опыту, доверяют знаниям других людей, которые не пытаются высказываться или прилепить какой-то ярлык или какое-то знание, объяснить это каким-то невероятным образом, а они пытаются это, прежде всего, выяснить, спросить или найти ответ самостоятельно. Да, есть, конечно. Но, понимаете, это же еще вопрос все-таки внутренний.

Про себя я могу сказать, да, у меня много мифов. Я постепенно с ними расстаюсь, но медленно и добротнo. Но ведь я еще очень мало проживу, или еще проживу, какое-то количество лет, надеюсь, постепенно со всеми мифами расстанусь.

И еще маленький момент. Здесь Николай спросил еще и про цель. Если я в виде цели выбираю миф, то мое движение может быть ложным.

Но если я ориентируюсь на будущее, как я могу вообще понимать, к чему это приведет, как мы по смартфону, например, сказали, или планируя произвести какой-то продукт, то есть я исхожу из того, что мой будущий миф или здесь есть какая-то другая технология, другой подход. Если я хочу придерживаться реальности, если мне дорога реальность, то я буду всячески следить за тем, чтобы мой проект, мое видение будущего и мои задачи были максимально приближены к реальности, а не к мифологии, если мне дорога реальность. Для себя я веду такое понятие, как прогноз и его срок.

Конечно, и нужен прогноз, и еще то, о чем мы с вами говорили. У нас же была целая тема работы с будущим. Для меня это очень дорогая тема, потому что работа с будущим – это реальная, серьезная духовная работа.

Духовная работа, потому что там требуется честность, там требуется много любви и света. Нельзя про будущее говорить без света, без надежды, без позитивного настроя. Это не работа с будущим, это просто будет пессимизм.

Мы должны построить некую психологию оптимизма, психологию оптимистического развития, оптимистических целей.

[Говорящий 2]

Отец Андрей, смотрите, я слышала такое хорошее выражение, не знаю, сколько оно хорошее, мне оно нравится. «Будущего не существует, оно предполагается». То есть, соответственно, я предполагаю, каким бы я его хотела видеть, а дальше я свою вот эту миф-цель, я начинаю проверять реальностью ежедневно.

Да, нет, да, нет. То есть шажок проверка, шажок проверка.

[Говорящий 1]

Я бы сказал, что все-таки будущее – это не предположение, а будущее – это наша сегодняшняя работа. Мы будущее строим, мы его создаем, буквально. Мы вместе все, причем все те люди, которым я доверяю реальность, и их адекватности, и доверяю их опыту знания, и тем, которые участвуют в этом совершенно спонтанно, никак не проверяя, без всякой рефлексии.

И я понимаю, что в будущем, как и в настоящем, будет много всего, и реального, и мифического. Ну, что делать? Таков человек.

Но Николай еще спрашивал, очень важно, что мое представление об этом личностном мифе, оно амбивалентно, что он может быть полезен. Его полезность условная, Николай, я бы сказал, что полезность определяется тем, что этот миф дает мотивацию человеку. Человек, он его соглашается на этот миф, даже придумывайте этот миф для того, чтобы найти для себя смысл усилий своих, оправдание своих усилий.

Он себя таким образом мотивирует и подвигает. Вот в этом только я вижу его полезность. Конечно, ни в коем случае не оправдываема ложность мифа и его псевдореальность.

Конечно нет. Но что делать? Человек нуждается в этом.

Я не в том, чтобы соглашаться на этот миф, а в том, чтобы признать, что это миф. Отец Андрей, Вы сказали, что миф – это то, во что мы просто верим, а при этом призываете смотреть на будущее с надеждой. Нет ли здесь противоречия между тем, что надежда – это и есть миф?

Нет? Если мы о будущем судим по своей мифологии, то мы построим либо что-то страшное, либо ничего. Просто ничего не построим, у нас не выйдет, у нас развалится.

Поэтому, конечно же, будущее требует серьезной работы. Но если я оставлю себе в будущем некую цель, например, заработать на квартиру, и эта цель действительно подтверждается моими близкими, она подтверждается возможностями, ресурсами. Но для того, чтобы дойти до этой цели, мне нужен миф.

Я вот так просто не дойду. Вот скучно мне или тяжело слишком, трудно. Мне нужен миф.

Я помню, когда я еще в юности начинал только работать, работа была очень тяжелая, мне один рабочий сказал, ты представь себе, что через месяц, через два мы закончим работать, ты приедешь, я к жене приеду, ты к маме приедешь. И вот ты привезешь ей большой подарок. Представь себе, какой будет счастье.

Вот так миф создавался. Это типичная работа мифа. Миф, который меня греет, который меня мотивирует.

Мы так себе придумываем такие промежуточные мифы. Так вот, если для будущей цели, которая действительно продумана, серьезная, нужная цель, этот миф, эту цель я принимаю, но промежуточную мотивацию я обуславливаю каким-то своим мифом. Ну, что делать?

Может быть, это и не так плохо. Если я отдаю себе отчет в том, что это... Ну, это я так вот сейчас верю.

Мы очень часто используем этот прием. Вот сейчас я так верю, а дальше посмотрим. Почему бы не так?

[Говорящий 2]

Я просто задумалась о том, ну, клево, есть мотивирующие мифы, которые встают между нами, нашей целью, помогают нам дойти. Но ведь,

наверное, внутри нас еще существуют мифы, которые созданы из-за страха, которые нас от чего-то защищают. И вот увидеть этот миф, наверное, намного сложнее, чем мотивирующий.

И его ты, наверное, фиг разрушишь.

[Говорящий 1]

И, к сожалению, на этих мифах много построено агрессии, и на этих мифах много построено зла. Так что да, Николай прав, мифы не безобидны. Всякие национализмы, всякие шовинизмы, они построены на подобной мифологии.

Эта мифология связана с драгоценной для нас семейной традицией. Ну, так думал мой дедушка, ну, так думала моя бабушка, ну, так говорила моя мама. И так далее, и так далее.

И на этих мифах, может быть, построено много всякого зла. Так что это не безобидная штука, да. Правильно ли понимать, возвращаясь опять же чуть-чуть к началу разговора, важные вопросы у меня, что ценности человека и миф, мифы человека, понятие автономное.

То есть человек, в принципе, может жить уже на новых ценностях, но на старых мифах. И даже не совсем понимать, что это происходит. Может быть.

Тут связь вот такая, как я думаю, что ценности, которые я принимаю, религиозные ценности, нравственные ценности, я могу смягчать для себя мифами, мифологией. Я могу их принимать непосредственно, без всякой мифологии. Это будет такая честная религиозная или честная нравственная позиция.

Например, есть так называемое понятие общечеловеческие ценности. Вот я их принял, они для меня вот такие, и все. И я к ним отношусь как к важным для себя нравственным правилам.

Но, может быть, я их принимаю и непосредственно, а и через буфер мифологии. Так не проще, так не ближе моему сердцу понять. Например, ценности одни, а вот наша семья относится к ним там по-другому.

Например, воровать грех – ценность. Все понятно, в Библии так написано. Но в нашей семье есть такой миф, что для спасения жизни детей можно немножко, так сказать, тянуть себе.

Но ведь это же для выживания. Или, например, в Библии написано, что ложь, отец лжи – дьявол, а ложь во спасение, может быть. Вот это такой миф.

Он такой, может быть, семейный, может быть, национальный. Но он же есть, он помогает жить. Вот так.

Грустно, но так. Нету лжи во спасение? Нет, конечно.

Но если отец лжи – дьявол, то какой же может быть спасение? А может быть, про отца лжи – дьявол это миф, но это я уже... Нет, это как раз библейские ценности.

Это то, что мы не обсуждаем. А вот миф про ложь во спасение – это миф чистой воды.

[Говорящий 2]

Есть ли возможность вообще, такая прямо чисто интересная, каким-то образом, через какой-то инструмент проанализировать и выявить все свои мифы? Вот прям просто познакомиться с ним. Не с целью избавиться, а хотя бы познакомиться.

[Говорящий 1]

Нет, это называется жизнь. Да опять жизнь. Нет, чтобы взять таблетки и все.

Нет, таблетки нет и не будет. И слава богу, что нет. Я думаю, что выявить все свои мифы невозможно абстрактно.

Мы с ними столкнемся в жизни и анализируем. И у нас, опять, некоторые рефлексии есть. Может быть, какие-то мифы мы можем умственным образом выявлять и с ними расставаться.

Но про некоторые мифы мы даже не вспоминаем. Они могут быть нашим бессознательным, но они восприняты в раннем детстве.

[Говорящий 2]

Например?

[Говорящий 1]

Ну, например, что в нашем доме никогда не было икон. А потом выяснить, что, оказывается, были. Но я их не помню.

Вот я себе сочинил, что в нашем доме никогда не было икон. То есть никто никогда не молился, никто никогда не держал, не уважал, вообще не было. А, оказывается, икона была.

И она стояла. Но я этого или не знал, или не помню. Но я себе сочинил некоторый миф.

Почему? Это другой вопрос. Или другой, например, миф, что когда я был маленький, отец угрожал моей матери, угрожал, что он уйдет.

Детских мифов очень много. Я могу жить с ними всю жизнь. А на самом деле этого не было.

Вот так может быть. Или может быть какой-то миф про себя самого, что я дал себе слово, что я буду всегда честен, никогда не нарушу порядочность и всегда буду порядочным, потому что это очень важно. Я себе такое слово дал, я буду его исполнять.

На самом деле поведение может быть иногда и не очень честно. Но поскольку я себе дал такое слово, я буду поддерживать миф о том, что я всегда честный, всегда порядочный. И живем с этим мифом и ничего.

И даже наистовик приходит. Да, бывает. Кстати говоря, очень часто наистове эти мифы слышно, когда люди говорят про себя, что я никогда не нарушал, я никогда никого ничего не воровал или я никогда никого не обманывал.

Есть такой миф, например, что меня люди не любят. Есть миф о том, что из меня... Есть люди-вампиры, которые сосут из меня энергию.

Люди верят в этот миф и убеждены, что есть люди-вампиры. Есть люди, которые считают, что им все желают зла. Это тоже мифология, но она помогает человеку объяснить, почему отношения не устраиваются.

Или, например, миф о том, что мама меня не любила. Это миф. И он сам его себе придумал для того, чтобы объяснить, почему ему было плохо или что-то ему не хватало в детстве.

Он себе сочинил такой миф. Или я более страшные мифы считал. Например, одна женщина в консультациях сказала, что я выросла с тем представлением, что меня в детстве хотели сдать в интернат.

Меня хотели отказать. И когда мы с ней стали работать, перешли к теме семейных отношений, она осмелилась и поговорила со своими родителями об этом. И оказалось, что это абсолютный миф.

Она потом переспрашивала у сестры. Никто не нашел никаких следов подобных разговоров или подобных намерений. Даже близко не лежала.

Но вот она выросла с мифом о том, что ее в детстве... Она очень боялась разговаривать. Ей было 32 года, когда она впервые произнесла это с родителями.

Она боялась спросить. Вдруг это оказывается правдой. Но вот она выросла с детским мифом о том, что ее хотели сдать в интернат.

Откуда он взялся? Разве это пояснишь? Но, тем не менее, дети способны сочинять мифы очень много.

Потому что детское сознание не может склеивать реальность в полноценную картину. И для того, чтобы это все-таки картинка была целостной, в нее вставляются разные мифологические связи. Но это детское сознание, гоцентрическое, но оно отчасти мифологическое.

Но ведь мы, взрослые, так делаем. Мы продолжаем так делать. Мы связуем мир там, где не связуется.

Например, когда мы видим, что зло не наказуемо, что справедливости нет, что богатство оказывается у людей недостойных, а люди достойные влачат жалкое существование, что наказывают невиновных, а виновных оправдывают. И тогда мы придумываем в себе разные мифы. Особенно, например, в таких ситуациях, когда мы ищем справедливости, а ее в мире нет, придумываются мифы про мировой заговор, про тайные силы зла, про бесов, которые чинят вокруг нас всякие разные непотребства и вредят людям.

И этим все объясняется, что это не просто так, это они там еще что-то разве имеют. Анна Скляренко задает вопрос. Получается, что миф часто выполняет именно защитную функцию для личности?

Да, миф выполняет защитную функцию, миф выполняет функцию связи и функцию мотивации. И очень часто выполняет функцию эмоционального подкрепления. То есть он дает нам некоторую эмоциональность, либо эмоциональность, помогающую избегать чего-то.

Например, если я буду воровать, то меня в тюрьму посадят. Или если я буду есть виноград с семечками, у меня будет аппендицит. Эти мифы, которые нам в детстве внушают, мы потом живем и передаем их своим детям.

Скажем, если грызть ногти, то будут глисты. Это же ведь не научное утверждение. Это такой миф, но им пользуются родители для того, чтобы воспитать своих детей, чтобы отучить их от разных привычек.

И мифы переходят с поколения к поколению. Прежде чем мы взрослые соображаем, что это миф, мы уже его рассказали детям. Это точно, совершенно.

Забыл привязку к вопросу. Ведь вопрос такой. Правильно ли, что если я пойму, в чем состоит миф, например, уеду на юг после севера, и там будет счастье.

Можно поймать, что действительно для человека ценно, например, он действительно стремится к счастью. Потому что есть другой миф, вы его тоже приводили, что в нашей семье счастливых не было, и счастье выводится со скобки. Возможно ли работа именно психологическая и просто в коммуникации именно с мифом таким образом?

Конечно. Ведь всякий раз нужно иметь в виду, что у мифа есть конкретная функция, цель. Зачем он нужен мне?

Что я им себе хотел сказать? Почему я в него верю? Как только мы эту цель обнаруживаем и рационально ее критически обсуждаем, мы сразу понимаем, в чем суть.

Например, миф про здоровье. Главное, чтобы здоровье. Как только мы понимаем, что образ жизни, как только я пойму, что образ жизни моей уже не здоровый, даже еще не важно, где я живу, на юге или на севере, но я веду нездоровый образ жизни, и, вероятно, буду вести его везде, какая разница, где я живу.

Или с той же квартирой. Как только я понимаю, что покупка квартиры – это 15 лет каторжного труда, и потом я эту квартиру в ней жить не буду, а буду жить где-то еще, и это мне не нужно, я тут сейчас понимаю, что я служил просто идолу, больше ничего. С переездом на юг, многие люди не могут жить на юге.

Для этого надо пожить, попробовать, причем пожить долго, несколько месяцев, чтобы понять, как организм приспосабливается к этому климату. Причем надо пожить и летом, и зимой, и проверить себя на это. И окажется, что это просто миф.

Да, я хотел купить дом на юге или на море, а на самом деле он мне не нужен, мне не буду я там жить. Но миф был, миф грел, миф толкал многие годы совершать великие подвиги. Жаль.

Жаль потраченных лет, жаль потраченных усилий, потраченного здоровья, но, к сожалению, вот это происходит. Вот Анна Скляренко, собственно, тоже негодует, как и я. Вы столько мифов, мы их уже разрушили сегодня, в том числе и про мировой договор, и виноград с косточками.

Неужели аппендицита не будет? Анна, проверяйте себя. Очень часто, я проверяю тоже так очень часто.

А говорили ли вам в детстве, что если иголку или булавку тоненькую потерять на ковре или на диване, а потом вы на нее сядете, она воткнется в тело, и по сосудам придет, попадет в сердце, и вы умрете? Если этот миф вам говорили, значит, все в порядке. Всех детей этим пугают, для того, чтобы они не теряли иголку.

Вот типичная работа мифа. Так нас воспитывают. Педагогика, которая использует метод кнута и пряника.

Нас воспитывают страшилками. Это вот с косточками, с иголками, это вот типичные страшилki, которые рассказывают детям, чтобы добиться какого-то результата.

[Говорящий 2]

Меня-то другое, например, больше напугало, пока мы общались по мифам. Получается, что мы идем к иллюзиям. Каждый раз, идя куда-то за счастьем, на юг, на квартиру, на новый проект, мы думаем, что мы там будем счастливы, и каждый раз доходя, мы оказываемся жестко разочарованы.

А вот в какие раз мы не разочарованы, если мы все равно на мифе строили?

[Говорящий 1]

Это надо проверять. А вдруг это окажется правдой? И действительно, хорошо на юге живется, и вдруг оказывается, что действительно эта

квартира, на которой вы зарабатывали для вас просто оплот стабильности и счастья, может быть, действительно так и есть?

Но это можно только опытным путем проверить. Вопрос в другом. Я говорю сейчас о реальной женщине, которая потратила многие годы для того, чтобы зарабатывать на квартиру, очень тяжело работала.

И когда она в эту квартиру въехала, к сожалению, одна, ей там было очень грустно и скучно, но главное, она сказала себе, зачем я столько лет пахала на эту квартиру, мне жаль себя, что я так себя изнасиловала этим. Да, квартира хорошо, да, нужна, но то, что я сделала со своей жизнью, вот в чем беда. Полезно, нужно, но какой ценой это дается?

[Говорящий 2]

Отец Андрей, я правильно ли понимаю, что даже если ты идешь через миф к своей цели, ты еще не должен при этом ломать себя? То есть ты должен в момент пути чувствовать себя счастливым, а не убиваться, как эта женщина? Или в чем тут дело?

[Говорящий 1]

Не то чтобы чувствовать себя счастливым, но заботиться прежде всего об удовлетворении своих базовых личностных потребностей, потому что именно это определяет здоровье, согласно Абрахаму Маслоу, именно удовлетворение базовых потребностей и бытийных потребностей. Если человек не пренебрегает своими личностными потребностями, тогда есть гарантия того, что это не мифологическое построение, но предположим, изначально мотивационным вашим движением была мифология. Но в процессе работы много раз есть возможность время у человека проверить рационально, а так ли это?

Что я делаю? Я же каждый день могу себя проверять на это. Что я делаю?

Для чего я делаю? Какой ценой я делаю? То есть вот эта рефлексивная работа, ведь для нее масса возможностей, если речь идет о каком-то серьезном деле.

Сколько раз я его перепроверяю, пересчитываю, так что ж, не хватило мне трезвости умственной отказаться от мифа и перейти к реальности, к реальному проекту, к реальному расчету наконец. Почему я этого не сделал? Если женщина зарабатывала 15 лет квартиру, что за 15 лет она ни разу не проверила себя, действительно ли это ей нужно так.

Это страшно. Страшно, к сожалению, да. Чаще всего мифы нас и толкают на подобные вещи там.

Работа, богатство, переезд, брак, рождение детей, это же тоже мифы. Такая женщина говорит, если я детей не рожу, то я не женщина вообще, я не личность. Вот она родила детей, у нее даже там трое, двое, она их ненавидит, потому что они отняли у нее возможность заниматься каким-то своим трудом, заниматься своей карьерой, заниматься своим творчеством.

Но она же хотела не детей, она хотела статус, что она, вот теперь она женщина, вот теперь она получила это. Она от этого получила, но цена, которую она заплатила за это, очень высока. Потому что материнство это очень высокая цена, которую женщина платит, но платит их не для того, чтобы получить удовлетворение, а для того, чтобы дети выросли.

Это совершенно другая цель. Материнство. Вырастить и отдать, а не учить.

А когда материнство для себя, то это разочарование всегда. Так что не приводит к этой цели. Женщины этим мифом живут.

Миф заключается в том, что только материнство дает женщине пережить свою женскую личную садость. И смысл. В этой связи еще вопрос, что когда сталкиваешься с чужими мифами, во мне периодически, во мне периодически возникает такой страх, что подламывая какой-то миф, сейчас человек будет испытывать такую боль, разочарование, страх.

Где мера разумной ответственности? Я проходя мимо сказал, земля же круглая, а у человека бац и весь мир сломался. Но понимаете, тут вопрос не ко мне, а к жизни.

Жизнь сама нас сталкивает с такими реальностями, когда наши мифы рассыпаются, если мы открыты глаза держат. Можно же широко закрытые глаза держать? Я конкретный вопрос про это задам, потому что он слишком для меня был эмоциональный, видимо поэтому спрятался.

Долгое время я занимался финансовым просвещением, буквально людям указывал, ребят, с деньгами надо поступать так, здесь мошенники, признаки мошенничества и так далее. И я видел, когда работал с пострадавшими вкладчиками, с потенциальными пострадавшими вкладчиками, нет, нам это не надо, нам нужна надежда. Вот цена этой надежды, там достаточно большие деньги.

Собственно, я как журналист тогда еще выступавший, я просто не мог себе ответить на вопрос, где я бьюсь за правду, а где я приношу людям страдания и несчастья. И я так до сих пор себе не ответил на вопросы, даже из профессии отчасти.

[Говорящий 4]
Как рассуждаю?

[Говорящий 1]
Вопрос, потому что люди действительно хотят быть обманутыми. Ну, это и с древней, и у Пушкина, я сам обманывался. То есть мы живем, мифы нам симпатичны, они сердце греют.

Но задача-то куча. Задача куча локальная. Помочь человеку достичь успеха в данном конкретном деле, в данной профессии, или данной компетенции.

[Говорящий 2]
А если для этого надо разрушить миф?

[Говорящий 1]
Если только локальный миф, это не так страшно. Только не трогайте все остальные мифы, если человек этого не просит.

[Говорящий 2]
Ну, логично. Там вопрос.

[Говорящий 1]
Да, Анна задает вопрос. Если миф — это нереальность, получается, есть опасность, что мифы могут увести в болезнь, когда уже не ощущается грань между реальностью и реальным? Ну, видимо, болезнь.

[Говорящий 2]
А, ну, да.

[Говорящий 1]
Если есть предрасположенность к психическим нарушениям, конечно. Что будет больше? Поле защиты или вреда от мифа для человека с предрасположенностью к психическому заболеванию?

От себя вопрос добавлю. А как бы еще определить предрасположенность? Нет, я не могу ответить на этот вопрос, потому что Анна задает вопрос конкретный, и этот вопрос всегда касается конкретного человека, не знаю.

И тут слишком сложно, потому что речь идет о здоровье или о психике, о психическом заболевании. Это слишком сложно. Не могу отвечать так абстрактно, это нельзя решить.

Вот Николай прав, когда с самого начала говорит, что миф это ужасно, вот как же можно мириться с мифом? А мириться приходится, потому что иногда это вот жизнь и здоровье людей. Ну, все равно как отнять у Хромова костыль.

Ходи. Ну, если я могу исцелить, тогда другое дело, как от дела Христос. Но если я не могу исцелить, не отнимай костыль.

[Говорящий 2]

То есть, если видно, что без этого мифа человек сильно потеряется в этой жизни, ну, вот это реально его пока поддержка, то ее лучше не трогать.

[Говорящий 1]

Не мне решать. Вот смотрите, мы приходим наместить умирающего больного. Мы понимаем, что он умирает.

А он вам говорит, вот меня переведут в другое отделение, мне там сказали, что вот врач там очень хороший, он мне назначит новое лечение, и я буду, значит, поправляться постепенно, и все. А вы знаете, что это миф? Что это миф, который он, кто-то ему, может быть, сказал, а может быть, он сам себе это придумал, а может быть, врачи ему такой миф предложили, а он ухватился и сочинил там что-нибудь.

Ну, потому что ему страшно думать о собственной смерти, он этого не хочет. Что будете делать с этим мифом?

[Говорящий 2]

Разрушу, потому что передо мной человек, у которого сейчас есть возможность правильно попрощаться с жизнью и пригласить священника.

[Говорящий 1]

Смелые вы. Мне не всегда такой смелости хватало в этих ситуациях, но мне проще, потому что я священник и у меня есть определенные молитвы вместе с ним, и у меня есть определенные отношения к болезни и к жизни и к смерти, поэтому мне не есть что сказать. А вот когда я был юношей, я очень жестко с этим столкнулся и был буквально, так сказать, огорошен.

Я могу рассказать об этом случае. Я, будучи призванным военкоматом, а потом меня послали в больницу. В общем, я лежал в больнице, будучи здоровым человеком.

Молодым. Ну, мне было 19 лет. Я лежал в очень тяжелом отделении, где почти все мужчины были умирающими.

Лейкемия, и всякие разные другие гематологические заболевания. Но я со всеми подружился, я возил там на каталке, в коляске. В общем, здоровый человек.

Парни использовали в качестве санитаров. И вот однажды я столкнулся у лифта такой очень приятный человек, с которым мы дружили, вместе и бывали вместе. И на каталке его увозили в машине домой в Краснодар из Москвы.

И я, значит, подхожу к нему. По-моему, его звали Анатолий. Он с женой и сестрой.

Они рядом идут в приемную, в вестибюль. Я говорю, ну вот и на твоей улице будет праздник. Вернешься, мы еще выпьем с тобой.

Он говорит, нет, Андрей, я умирать еду. Не говори глупостей. И я не мог ничего сказать, никак не отреагировать.

Я просто как осолбенел и стоял. Они уехали, а я так и думал, надо было найти что-то сказать. Что же я такой рассекой, я не знал, что сказать.

Вот это было, это было, наверное, я не помню, 1974 год. Я до сих пор это помню, что я не знал, что сказать человеку. Я был наказан за глупости, которые я говорил.

Такие, ну как это, вежливые глупости. Надо было сказать что-то такое. Не надо.

Вот по вашему как раз поведению. Не надо говорить глупостей. Это был миф, что он поправится.

Но я еще тогда не знал в точности. У меня не было уверенности, что действительно я правильно понимаю течение болезни, что он уже не выздоровеет. А там есть четкие признаки.

Причем они сами все эти болезни знали. Четкие признаки невозвратного там какого-то события. Там температура.

[Говорящий 2]

Хорошо. Перефразирую тогда. Отец Андрей, а если по своим внутренним ценностям и убеждениям я вдруг считаю, что вот лучше разрушить миф человека, с которым я сейчас общаюсь.

И считаю, что воздерживаться не надо. Стоит ли это делать?

[Говорящий 1]

Нет. Но это же ваше убеждение. Почему же вы меня об этом спрашиваете?

Вы убеждены, что надо разрушить. Ну и разрушайте. Вам же за это отвечать.

[Говорящий 2]

То есть все равно опираемся на себя.

[Говорящий 1]

А на кого еще?

[Говорящий 2]

Совесть.

[Говорящий 1]

Где звучит сердце человека? А не где-то внешне. У меня здесь пример не такой экзистенциальный, из бизнеса.

Когда, собственно говоря, мне приходилось решать вопрос, что люди были убеждены, что, например, продукт В никакой пользы не принесет ни потребителю, ни им как продавцам. Только продукт А и только он. И как бы вся жизнь на этом строилась.

То есть достаточно жестко с примерами и так далее. Я видел, как их ломало, что они годы потратили впустую. Сколько они денег не заработали, они посчитали.

Но для меня было критерием. Я могу их научить продавать продукт В.

[Говорящий 2]

Для меня это критерий был. Оно имеет цену.

[Говорящий 1]

Да. Но, с другой стороны, у меня были случаи, когда я сказал себе, я не буду принимать ответственность на себя за разрушение. Вот критерий.

Критерий брать на себя ответственность или нет?

[Говорящий 2]

Я все-таки за ответственность. Я лучше потом разгребусь.

[Говорящий 1]

Хорошо.

[Говорящий 4]

Ну, давай потом.

[Говорящий 1]

Тогда, может быть, если больше вопросов нет, мы можем на этом завершить нашу тему. Была ли она интересной и полезной? Коллеги.

Николай. Вот вопрос. Про церковные мифы.

Ну, вот, например, церковный миф по поводу какого-нибудь жиломасонского заговора Николая. Вот это такая типичная околорелигиозная мифология. Ну, таких мифов много, которые не являются частью религиозного вероучения.

Их много. Мне сейчас не приходит чего-то такого в голову. Там про бесов очень много мифов.

Про загробный мир очень много мифов. Ну, вот, например, обычаи по поводу погребения покойника основано очень много. Вот тут мифологии пруд пруди.

Например, что душа человека ходит, бродит по квартире, поэтому надо открывать форточки, чтобы душа улетела куда-то. В определенной местности пекут из теста лесенки и приставляют на кухне от стола к форточке, чтобы душа уходила туда в форточку. После того, как покойника из дома вынесут, помыть надо все полы.

С гигиенической точки зрения это понятно, но на самом деле это объясняется мифологией. Кладут топор, вот гроб ставят в комнате, или покойника кладут на стол, как это раньше было принято, под стол кладут гроб. Я говорю, топор зачем?

Для того, чтобы душа его не приходила к нам и нас не мучила. Зеркало навешивают для чего? Для того, чтобы там не увидеть в зеркале за своей спиной лицо покойника.

Это же все мифология, какая богатая, ведь Гоголь нам подарил всю эту мифологию, свою полтавскую, украинскую мифологию, но у нас и свои, каждый губерний своя мифология по поводу покойника. Столько же, меньше, конечно, мифологии у при, скажем, Абредовской рассчета. Когда я был еще дьяконом, я столкнулся с таким обычаем, что в семье одного дьякона, у которого было очень много детей, дети уже выросли, рассказывали мне, что полотенца, на котором стоят жених, невеста, муж и жена в таинстве венчания, они забирали домой, и потом дети с линеечкой рассматривали, чей след мужа или жены стоит впереди, то есть чей ботинок будет стоять впереди, значит, тот будет властвовать в семье. И вот они с линеечкой буквально на полсантиметра чей ботинок ставил следы, значит, прежде, чем стирать полотенце, они замеряли. Вот вам, пожалуйста, мифология, сколько их всяких этих, а вот по поводу передавать свечу через левое плечо нельзя, тоже миф.

Все вот это область мифологии, насколько она богата и насколько она передаваема из поколения в поколение, а ведь еще что надо иметь в виду, что некоторые мифы имеют не просто древнюю историю задолго до христианства, они имеют историю доисторическую. Есть предположение, что некоторые мифы восходят к эпохе, к эпохам более чем 15 тысяч лет назад. То есть действительно доисторическую, до городов.

Это пещерные мифы. Вот если вы читаете Андрея Борисовича Зубова «Доисторические религии», то там есть предположение о некоторых мифах, связанных там с головой, связанных с пещерой, связанных там с медведем и так далее, которые до сих пор доходят до нашего времени, и мы их передаем своим детям. Вот что удивительно.

Замечательно. Мне кажется, вот это вот самая мифология, приходящая к нам от пещерного человека еще, она нас связует, понимаете. 100 тысяч лет назад не история.

Миф, вот он живет. Кстати говоря, очень важно иметь в виду, что на мифах построены сказки. Наши так называемые народные сказки, они пришли очень давно.

Они гораздо древнее народов и языков. Сказки древнее, чем язык, понимаете. И эти сказки воплощают древние народные мифы, которые к нам приходят не только через культуру, через книги, через семью.

Я как раз хотел сказать, что у мифов еще есть такая очень важная пункция, как некий контейнер смысла, который они помогают нести, когда я еще не готов его воспринять. Или не готов воспринять рационально Я согласен. Но это уже мы переходим в мифологию культурную.

Я сейчас говорю о мифах личностных, а это уже мифология культурная. Ну тут вообще говоря, надо читать сразу Лосева, Бахтина и Лихачева и Аверинцева, в общем, всех классиков по мифу. Там очень много всякой полезной работы.

Можно опять же употребить, попросить хотя бы авторов указать, потому что тема такая интересная. Если про культурно-исторический миф, это Дмитрий Сергеевич Лихачев и Бахтин и Вячеслав Иванов и Лосев, как же его, забыл имя, отчество. Ну, это все наши классики филологии, и Аверинцев конечно, да, это все про мифологию в разных вариантах ее, но и многие другие.

Это вообще говоря, для историков, для филологов это такое пространство. Про миф это интересно. А вот что касается психологии, вот это, конечно, это первое, одни из важнейших работ это Зигмунд Фрейд, он очень увлекался.

Его к этому подвинул Левистрос, который был антропологом, культурологом, исследовал мифологию древних племен африканских и папуан Новой Гвинеи. Но многие занимались работой с этими народами и их мифологией. Но мне все-таки интересна мифология наша, и европейская, славянская, кельтская, древняя мифология.

Мифология уходит очень далеко, очень глубоко. Она древнее, чем народы и языки. Поэтому мы должны понимать, что мифы, воплощенные в наши сказки, на самом-то деле мифами являются раньше, прежде чем сказками.

А мифы уже были. Но это культурные мифы, да. Но про них много чего написано, да.

То есть это не сказки. Сборники Афанасьева про мифы тоже. Того самого составителя наших сказок.

Спасибо, отец Андрей. Спасибо, коллега. Мне тоже было интересно.

Надеюсь, что и Аня, и Николай, кто еще был с нами сегодня, мне не видно всех.

[Говорящий 2]

Я отца Андрея и так могу поблагодарить, но поблагодарю по громкой связи. Я сейчас, додумывая, да, и соединяя это с бизнес-технологиями, что я с вами приду, сделаю проект и по дереву целей разберу. Хочу, то есть какая есть цель.

Боюсь. И во что верю. И посмотрю, где там из них по дереву целей защиты мифологии.

Вот прям реально круто. Спасибо большое. Буду исследовать дальше.

[Говорящий 1]

Мне будет интересно рассказывать потом.

[Говорящий 2]

Обязательно.

[Говорящий 1]

Спасибо. Спасибо. Спасибо, коллега.

Всего доброго.